

[Илья Муромец и татарченок]

Ох вы люди, люди добрые,
Шабры мои приближенные!
Вы придите посидеть ко мне,
Вы скажите мне про старое,
Про старое про бывалое,
Про того ли Илью Муромца,
Илью Муромца сын Ивановича.
Он в сиднях сидел ровно тридцать лет,
Тридцать лет и три года;
Он пошел гулять по Салфе-реке.
По Салфецкому круту бэрежку.
Выезжал Илья на высок бугор,
На высок бугор на раскатистый.
Расставлял шатер — полы белыя,
Расставя шатер, стал огонь сечі;
Высечá огонь, стал раскладывать,
Разложа огонь, стал кашу варить,
Сваря кашу, расхлёбывать;
Расхлебав кашу, стал почів держать.
Богатырский сон на двенадцать дён,
На двенадцать дён, на двое суточки.
Где не взялся... татарченок.
Татарченок-бусурманченок;
Он взошел в шатер, сам дивуется:
— Еще быть это Илья Муромец,
Илья Муромец сын Иванович.
Сонного мне убить — не честь не хвала,
А разбудить его — не сладити.
Цап-царап его во белую грудь.
Он не попал, злодей, во белую грудь,
Он попал, злодей, в чуден зóлот крест;
От креста копье загибалось.
Ото сна Илья пробуждается,
Злу татарченку издивляется:
— Еще что это... за татарченок!

В вышину он злодей пять аршин,
А в ширину злодей коса сажень,
Голова на нем как пивной котел,
Во лбу глаза по большóй чаше.

Он и снес с него злодея буйну голову
По его могучí плечá.

(Записано в селе Языково Симбирского уезда.)

Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I, 1860. М.